

Илья Егоров

По ту сторону листа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Егоров

По ту сторону листа

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Егоров И. А.

По ту сторону листа / И. А. Егоров — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Философские повествования молодого автора о смысле жизни современной молодежи, о её ценностях и желании найти себя в этом бренном мире. Молодой писатель Томас Андерсон, прожигающий свою жизнь в современном мире искушений, встречает настоящую любовь. Это станет для него и наказанием, и наградой, и прозрением, и прощением. Содержит нецензурную брань.

ПО ТУ СТОРОНУ ЛИСТА

Вместо предисловия

День, когда я проснулся.....

Все мы часто задумываемся о жизни, о ее смысле. Осуждающим тоном говорим о тех, кто вокруг нас. Но мы сами? Мы люди.

Нынешнее общество смахивает на огромный зоопарк, мы давно живем инстинктами, и главный наш инстинкт – это инстинкт самосохранения, но слишком извращенный. Мы живем ради самих себя, не замечая проблем других, проблем вокруг себя. На наших глазах растет поколение нигилистов. Мы перестали радоваться мелочам и стали чаще озлобляться, сталкиваясь с большими проблемами. Мы давно потеряли человечность, которая когда-то была символом порядочности, символом хорошего человека. Сейчас другие ценности, другой мир, мир, в котором доброта считается слабостью, а бездушие – главным козырем перед другими. Мы считаем, что, помогая другим, мы унижаемся, а шагая по головам, мы показываем свою силу, свою независимость. Мы гордо говорим о том, что мы атеисты. Почему? Когда мы перестали быть людьми? Этот вопрос мучает каждого, но каждый человек в силу своей слабости будет подчинен обществу, его правилам, его порядку, его нормам. Мы будем следовать за стадом не потому, что у нас нет своего мнения, а потому, что мы боимся быть другими.

Мы – серая масса, под этим “гордым” лозунгом живет весь мир. Мы боимся проявить свою индивидуальность, мы боимся чужого мнения, забывая о том, что всем угодить невозможно. Мы гордо осуждаем бытие других, не задумываясь о том, как живем мы сами. Мы выращиваем нигилистов, не задумываясь, что сами можем стать жертвами бесчеловечности. Мы настолько боимся выставить себя дураками, что боимся помочь ближнему, боимся чужих мнений.

Мы гордо говорим, что мы атеисты, но когда попадаем впросак, то молим Бога помочь нам. Когда же наше общество успело превратиться в джунгли? Мы уже давно исчезли как люди, каждый день мы не упускаем шанса урвать что-то, мы не упустим возможности унижить кого-то ради своей выгоды.

Мы смеемся над фильмами ужасов, где главной опасностью являются зомби, но разве мы не зомби? Наши сердца давно остановились, они остановились тогда, когда мы стали ненавидеть друг друга. Не стоит бояться войны, не от оружия падем, а от бездушия и злости.

Многие осуждают нынешнее поколение, осуждают за его ценности, неординарные поступки. Но назвать нынешнее поколение деградирующим сложно. Нельзя назвать нынешнее поколение плохим, плохим можно назвать их ценности, но опять же не все. И стоит ли? Мы можем осуждать

нынешнюю молодёжь, но что мы сами сделали, чтобы сделать их лучше? Какой вклад мы сделали для развития их настоящего и будущего. Наше образование не учит жизни, оно учит простым наукам, но помогут ли эти науки в жизни? Научат ли они молодых выживать в наших джунглях?

Если раньше открытый человек был символом доброты, тем, кто излучал добро, то сейчас редко можно встретить таких людей. Все стараются держать своих тараканов в голове, но не потому, что боятся или стесняются открыться. Ими движет страх, страх быть использованными. Мы боимся, что нашей добротой попользуются и бросят как использованную пачку сока, как мусор. Все мы в определенный период времени были открытыми людьми, но все мы

закроемся. Мы будем открытыми до того момента, пока не столкнемся с предательством, когда потеряем веру в человечество, когда изменим свое мировоззрение.

На ком же будет лежать вина за новое поколение? За поколение безнравственных, бездушных животных? На нас, именно мы не научили нынешнее поколение главному. Мы дали им все: деньги, машины, квартиры, но мы забыли дать им сердце, мы забыли научить их быть людьми. Своим поведением мы создали иллюзию идеального мира, мы создали утопию, в которой каждый живет своей жизнью, понятие семьи потеряло свое силу. Теперь модно иметь свободные отношения, иметь детей тоже не модно. Задумайтесь, много ли вы знаете крепких и дружных семей? Хотя бы в своем окружении. Думаю, что нет.

Кумирами молодежи становятся порноактрисы и другие “заблудшие души”. Мы считаем нормой бросать больного ребенка при рождении вместе с женой, только потому, что так поступили какие-то известные личности. Мы создали общество, готовое пойти на смерть ради славы, ради де-нег, мы создали людей, которые готовы загрызть друг друга насмерть ради денег и славы. Но, пытаясь утопить нашего ближнего, мы забываем посмотреть, кто стоит сзади нас. Мы забываем посмотреть, как глубоко мы сами зашли в этот водоем с пираньями, водоем, где не видно дна под тол-шей лжи. Мы высмеиваем предсказателей конца света, это действительно – смешно пытаться предсказать то, что уже наступило. Мы научились летать в космос, но не научились ходить по земле.

Мы создали церкви, чтобы осуждать пророков и создавать соблазны. Слово религия теперь для каждого имеет свое определение. Кто-то считает религию попыткой власти одурманить народ через слово бога, кто-то считает религию пережитком прошлого, для кого-то это способ найти себя. Мы извратили само понимание религии. Религия создавалась, чтобы объединить народы, чтобы создать мир на земле, но вместо этого мы поделили церковь на осколки бриллианта, пытаясь доказать друг другу, что именно ваш осколок является настоящим бриллиантом.

Представьте, что будет дальше, что будет в ближайшее десятилетие. Дети вырастут, но кем они вырастут? Они вырастут без багажа духовных ценностей, без морали, без жалости, без сострадания. Нынешней молодежи не нужна семья, не нужны дети, они живут по принципу: “Живи красиво, умри молодым”. Пафосно, не так ли? Именно эта пафосность погубит нас.

Все мы слишком горды, чтобы признаться друг другу в своих чувствах. Нам стыдно сказать простое “извини” даже своим родным. И здесь опять действует принцип, о котором было написано раньше, мы боимся дать слабину, мы боимся признать свою неправоту. Мы готовы фанатично сражаться за свое мнение, даже если оно ошибочно.

Мы празднуем победу над Фашисткой Германией в 1945 году, но даже здесь мы до ужаса лицемерны. Наша благодарность за победу ветеранам проявляется в распитии дешёвой водки и ношении георгиевской ленты, где можно и где нельзя. Но мы никогда не поблагодарим ветеранов в лицо и не поможем им, ведь это требует усилий и это может показать нашу доброту.

Я не утверждаю, что в нашем мире не осталось добрых людей. Они есть, но идут годы и даже самые сильные ломаются под напором стада, они ломаются от ужаса, который видят каждый день. Краски, которыми они рисуют радужную картину мира, потихоньку бледнеют и заставляют их перейти на черный карандаш.

Мы жалуемся на нашу плохую жизнь, но что мы сделали сами, чтобы сделать её лучше? Мы сами втапываем в грязь свои мечты и желания, боясь, что их осудят. Но чего бы мы могли добиться, если бы делали то, что хотим, если бы стремились к своей цели, несмотря на любые преграды, если бы не стеснялись мнения других.

Но это не самое страшное, страшнее зависть, зависть, с которой мы смотрим на тех, кто успешнее нас, кто оказался смелее нас и добился чего-то большего, чем мы. Мы смотрим и ненавидим их, подсознательно понимая, что сами виноваты, что не стали смелее тогда, когда

это было нужно. Но, даже понимая это, мы все равно продолжаем надеяться на неудачу другого, мечтая о его несчастье. Даже если он был к нам добр, мы не поможем ему в трудный момент, мы притворимся невинной овечкой, и когда тот повернется к нам спиной, безжалостно вонзим нож ему в спину. Мы будем стоять с высоко поднятой головой над ямой отчаяния нашего ближнего, не замечая края пропасти, на котором сами с трудом удерживаем баланс. Мы даже не задумываемся, что, может, уже завтра окажемся в этой яме, и нам понадобится чья-то помощь.

Мы одиноки среди огромного количества людей, и иногда одиночество является лучшим обществом. Своим безразличием и ненавистью друг к другу мы строим кирпичную стену на дороге в лучший мир. И с каждым днём эта стена становится все больше и больше, все шире и шире. И тень

от этой стены становится все больше, она кроет нас от света, света, который стремится в наши души, дабы сделать их добрее.

Наше общество, словно огромная лодка, несущаяся на всех парусах в бурю. Мы слишком глупы, чтобы понять, что сами уничтожаем себя. Мы слишком ленивы, чтобы взять весла этой лодки и грести в обратную сторону от бури. Мы готовы довериться течению и слепо плыть вперед, не видя горизонта. Наша лодка под гордым именем “Жизнь” смело плывет навстречу своей судьбе, навстречу бесконечности, разбиваясь о скалы безразличия и жестокости.

И даже читая все это, люди все равно не вынесут урока, потому что они не смогут противостоять обществу, его ценностям, потому что так глубоко погрязли в этом болоте грехов, что, пытаясь выбраться, увязнут еще больше. Все, что нам остается – это пытаться оставить в себе хотя бы каплю человечности и передать эту каплю будущему поколению. Мы должны дать им настоящие ценности, а не их заменители.

Деньги стали иллюзией счастья, деньги стали нашим покрывалом, покрывалом, которое укрывает нас от внешних проблем, укрывает нас от реальности. Чем больше денег, тем сильнее сгущается туман перед нашим взором, мы перестаем видеть настоящий мир и начинаем видеть то, что хотим видеть. Но деньги не смогут сделать нас счастливыми. Деньги пре вращают нас в ребенка. Все материальное, все то, что мы покупаем на эти деньги, становится погремушкой в руках младенца. С такой погремушкой младенец счастлив, но, становясь старше, любой младенец понимает, что это лишь кусок пластика. Понимая это, человек начинает паниковать, искать что-то новое, то, что сделает его счастливым.

Но как бы не было развращено наше общество, радует то, что для любого человека любовь так и осталась настоящим счастьем. Никакие деньги не могут заменить человеку чувства любви. Влюбляясь, мы осознаем, что мы живы, мы обретаем настоящие ценности. Наши взгляды на мир меняются, мы становимся добрее. Но как я писал выше, доброта пугает нынешнее общество. И многие, понимая, что поддаются чувству любви, просто-напросто пытаются закрыться от всех, делая себя еще более несчастным, делая себя еще более черствым, еще больше заходя в тень той кирпичной стены. Нынешнее поколение забыло настоящее значение любви, это пере– стало быть чем-то интимным и стало общедоступным. К большому несчастью, сейчас редко можно увидеть искреннюю любовь, разве что в чистых глазах младенца. Любовь к родителям, настоящую, неиспорченную и неизвращенную суетой нынешних мегаполисов. Любовь не за что-то, а просто так. Любовь – это то единственное, что осталось от нас как от людей, то, что заставляет нас жить дальше, стремиться к большему, дает нам понимание того, что мы живы.

“Сложно жить во мраке, зная, где просвет”. Когда-то так звучала любимая фраза Томаса Андерсона – известного писателя, которого пророчили гением современной литературы. Его имя не сходило с таблоидов, обложек глянцевого журналов, за ним охотились репортеры светской хроники...

Интерес к писателю подогревался необычностью его литературной биографии. Томас начал писать еще подростком и первой статьей вызвал большой интерес к своей персоне. Уж очень необычным был стиль молодого автора – он видел людей насквозь, находил первопричину их поступков, обладал не по годам развитой жизненной мудростью. Выход в свет его первой и пока единственной книги произвел настоящий взрыв. В свои неполные тридцать лет он попытался со страниц романа донести до людей мысль, что так жить дальше нельзя, показать, что ценности современной цивилизации – ступеньки в бездну.

Что касается приведенного афоризма, то отыскать пресловутый просвет во мраке самому Андерсону становилось все проблематичней. “От многих знаний – многие печали” – не зря так написано в мудрейшей из книг. Особая пронизательность, дарованная Томасу, все чаще приводила его в депрессию, выход из которой был не из лучших – это алкоголь и изнуряющая писательская работа. Андерсон все более и более погружался в одиночество. Единственным человеком, которого с большой натяжкой он мог причислить к близким, был его агент Майк Сонрели. Когда-то они были школьными друзьями, теперь же их связывали в основном деловые контакты. Майк смирился с тяжёлым характером бывшего друга, пытался подстраиваться под выходки гения, Томас в свою очередь, вынужденно соглашался с Майком, понимая, что только с ним он будет держаться на плаву, следовать установленным правилам “хорошего общества”. Так произошло и на этот раз.

– Почему я должен туда ехать? Ты мой агент, ты сам должен решать такие вопросы.

Возмущенным, но в то же время спокойным голосом сказал Томас Майку, все же направляясь на до боли пафосную вечеринку режиссера, который должен был снять фильм по его книге.

– Ты же знаешь, как все хотят увидеть гения современности лично, иронично сказал Майк.

– Если бы не твоя непробиваемая глупость, ты бы уже был самым молодым и самым богатым писателем современности.

– Хм...это, наверное, должно дать мне стимул больше писать? – парировал Томас

– Нет, это должно дать тебе осознание того, что отказываться от каждого выгодного предложения слишком глупо, ты на пике популярности, ты можешь заработать миллионы, а вместо этого ты хлещешь дорогой виски, где попало и с кем попало...

Не успев выслушать очередной упрек в свой адрес, Томас поспешно вышел из машины и направился к входу.

– Ваше приглашение, – с непроницаемым видом сказал охранник из фейс-контроля.

– Приглашение? Я думал мы VIP гости, – довольно доброжелательно сказал Томас охраннику, но тот продолжал отстранённо созерцать прибывших.

– Ладно, громила, я вижу, ты не в настроении шутить, держи свое приглашение, – охранник около минуты вглядывался в приглашение, надеясь найти, к чему бы прицепиться и вышвырнуть наглого гостя.

– Проходите, – все с тем же выражением промолвил охранник.

– Эх... Ну вот и началось, 3 часа убийственной скуки. Придется весь вечер до нервного тика улыбаться тем, кто причислил себя к богачам и слушать их “веселые” истории о том, какую прекрасную антикварную вазу XVII века они приобрели, случайно заметив ее на полке магазина, – недовольным тоном сказал Томас, направляясь к бару вместе с Майком.

– Ты, как всегда, драматизируешь, любой другой бы убил за возможность оказаться здесь, в кругу самых влиятельных людей шоу-бизнеса, – сказал Майк, пытаясь хоть как-то вызвать улыбку на лице Тома.

– Я бы убил за возможность поскорее смыться отсюда.

Но Майк не слышал этого, он был погружен в атмосферу пафосности этого вечера. И только Том выглядел здесь белой вороной, одиноко наблюдая из-за барной стойки за всем происходящим, заказывая дорогой виски.

– Томас?... Томас Андерсон? – послышался голос сзади.

– О боже, только не это, – недовольно опуская стакан, прошептал Том.

– Ну, наконец-то, мы уже думали вы не придете...

С этими словами буквально летела к Тому Джаннет Уилсторн. Именно она была виновницей этого вечера – женщина средних лет, хрупкая на вид, но хваткая по натуре. Она была первым режиссёром, который заметил книгу Тома, и сразу захотела снять фильм на этой основе. Желающих был много, но перешагнув через всех конкурентов, она предложила агенту Тома самое выгодное предложение.

– Познакомьтесь, Тони Лурино – он будет играть главного героя вашей книги, а теперь и моего фильма, – с этими словами Джаннет обратилась к Томасу.

– Томас, сэр. Когда я прочитал вашу книгу, сценарий, я сразу понял, что хочу сняться в этом фильме. Стать частью..., – но Тони не успел договорить.

– Я польщен, – единственное, что произнес Том, пытаясь улизнуть от этого парада фальшивых улыбок.

– У меня к вам столько вопросов, как правильно нужно преподнести вашего героя зрителю? Кого он олицетворяет? Как его лучше играть? Господи, у меня столько вопросов, даже не знаю, с какого начать, – возбужденно тараторил Тони, подбадриваемый Джаннет, которая успевала при этом стрелять Тому глазами.

– Лучше и не начинай, была бы моя воля, меня бы вообще здесь не было. Я даже сомневаюсь, что этот фильм по моей книге. Сценарий совсем не похож на тот, что писал я. Его словно написали заново и выдали за мой. Я бы в жизни не написал такую чушь...

– Ха-ха, он шутит, – пытаюсь хоть ка-то спасти обстановку и восстановить поддельный баланс в этом разговоре, Джаннет перебила Тома.

– Конечно, он обязательно поможет тебе с ролью. Да, кстати, вон и твои партнеры по съемкам. Иди к ним, Тони, я сейчас присоединюсь к вам.

Резко поворачиваясь к Томасу, она тут же сменила милость на гнев.

– Что ты вытворяешь? Ты хоть знаешь, через какие круги ада мне пришлось пройти, чтобы пригласить его в этот фильм?

– А что я? Он спросил, я ответил. Это была твоя идея позвать меня сюда. Думаешь, мне доставляет огромное удовольствие тут находиться? Да тут в воздухе лицемерие летает.

Спокойно отвечал Том, наблюдая за тем, что же будет дальше.

– Сделай хотя бы вид, что ты рад тут находится.

– Тогда сделай вид, что мой, то есть уже твой сценарий, не такое дерьмо.

– Идиот – с этими словами Джаннет направилась к остальному потоку гостей.

– О, Майк, успокой своего друга.

Взбешенная, но в то же время с виду спокойная Джаннет подошла к Майку, будто бы это было случайностью.

– Том? Что он опять натворил?

– Этот самовлюбленный индюк чуть не послал нашего главного актера, я еле спасла ситуацию.

– Я сразу сказал, что приглашать его на такой вечер не самая лучшая идея, – озабоченным тоном произнес Майк.

– Тем не менее, он здесь, и я бы на твоём месте попыталась бы извернуться, чтобы не остаться без гроша в кармане.

Вечер шел. Для Тома этот вечер казался вечной каруселью с однообразным фоном. Общество, в котором он находился, раздражало его, что не мешало наблюдать за происходящим и за гостями. Он не признавал их ценности, их образ жизни, их стремления. Он видел их насквозь, их маску, скрывающую лицемерную сущность каждого из них. Майк не разделял точку зрения Тома, пытаясь обратить общение в выгоду для Тома, а значит и для себя. И как бы не злился Том, он понимал, что Майк нужен ему, а он нужен Майку.

Вечер подходил к своему логическому завершению и первым, кто улизнул с этой ярмарки тщеславия, был, конечно же, Том.

– Я думал, этот ад на земле не кончится, если чистилище существует, то это явно оно, – произнес Том.

Довольно говорил Майк, радуясь окончанию вечера.

– Не знаю как ты, а мне понравилось. Да, кстати, я назначил тебе встречу, завтра ты встретишься с Тони, чтобы обсудить детали его роли, – невозмутимо сообщил Майк.

– С этим идиотом? Он так рад этой роли, что весь вечер скакал, как припаянный.

Майк пропустил это мимо себя, он уже размышлял, как потратит свой будущий гонорар. Разъехавшись по домам, Майк решил провести вечер с дочкой и любимой женой. В это время Том наблюдал за ночным Нью-Йорком из окна своей квартиры в многоэтажном доме. Ему виделись бетонные джунгли, кишачие хищниками...

На следующий день Том и Майк отправились на съемочную площадку.

– Больше похоже не на съемки фильма, а на декорации для съемок дешёвого порнофильма, – усмехнувшись, заметил Том, направляясь к Тони.

– Вы опоздали на 15 минут, – недовольно заметил Тони.

– Необязательность – это моя фишка, если ты мой поклонник, то дол жен бы это знать, – с ухмылкой на лице произнес Том на ходу.

– Давай уже быстро разберемся со сценарием, и я отправлюсь по своим делам.

– А..да, конечно. И так у меня есть несколько вопросов по поводу характера героя, его поведения и...

Тони продолжал говорить, а Том делал умное лицо, будто ему есть до этого дело.

– ...Так что вы можете посоветовать мне?

– А? А да, короче говоря, сыграй жестко, чтобы я тобой гордился. Это были все твои вопросы?

– Вообще то нет, еще..

– Ну вот и отлично, увидимся в следующий раз, – оборвал Том, спокойным шагом направляясь обратно к выходу, оставив обомлевшего от такой наглости Тони просто стоять в стороне.

– Ты уже все? Не прошло и получаса, – удивленно сказал Майк, остановив Тома, который уже был готов покинуть площадку.

– Слушай, ты либо будешь нормально работать, либо тебя вышвырнут из проекта, – возмущенно восклицал Майк.

– Вышвырнут? Да меня вышвырнули еще тогда, когда изнасиловали мой сценарий, изменив там каждую точку. Я вообще не знаю, что я тут делаю.

– В таком случае, вали отсюда и не мешай работать, – взбешенно воскликнул Майк, сам от себя не ожидая такой реакции.

Не моргая, он продолжал смотреть на Тома, ожидая, что же будет дальше. Жизнь на площадке остановилась, и все наблюдали уже за новой сценой, не киношной, а жизненной.

– Как пожелаешь, – это были единственные слова, которые сказал Том перед тем как уйти со студии.

Майк же продолжал смотреть ему вслед, надеясь услышать что-то более внятное.

Быстро сев в машину, Том направился в город, он не знал, куда едет и зачем. Он просто ехал вперед, осмысливая произошедшее. Спустя несколько минут Том вышел в центре Нью-Йорка. Бросив машину, он отправился гулять по улицам, наблюдая за людьми, людьми, которые куда-то спешили, у каждого из которых были свои мысли, свои проблемы. Все они быстрым шагом шли куда-то, не обращая внимания друг на друга. Казалось, что каждый из них был где-то в своем маленьком мире, где никого не было кроме них самих.

Перед Томом открывалась картина, которая ярко характеризовала сущность нынешнего общества. Рядом со стеной одного из магазинов сидел бродяга лет 50 – 60, держа в руке стаканчик для мелочи, но он был пуст. Все равнодушно проходили мимо, всем было просто плевать на бродягу. Как будто это был элемент декора, мусор. Бросив пару монет в стаканчик нищему, Том продолжил идти вперед. Он чувствовал одиночество, одиночество души, которое пугало его. Он думал о том, что все сознательное общество превратилось в роботов. Даже железный дровосек из сказки Лаймена Фрэнка Баума, у которого не было сердца, был куда более человечен, чем все эти люди.

Том еще долго гулял по людному центру Нью-Йорка, наблюдая за различными сценами из повседневной жизни горожан.

День сменялся вечером, и, чтобы успокоиться, Том выбрал ближайший клуб, где планировал выпить и забыть о сегодняшнем дне.

Войдя в клуб, он сразу направился к барной стойке, где, как обычно, заказал стакан дорого коньяка. Он наблюдал за молодыми парнями и девушками, которые, забыв обо всем, веселились, отдавшись всем страстям. Это была колыбель греха, где алкоголь тек ручьем, а секс был главным блюдом этой кухни. Где секс перестал быть чем-то интимным и личным, проявлением любви двух сердец. Здесь он превращался в обыденность и переставал быть запретным плодом, он становился неотъемлемой частью этого места.

– Ты в норме? – тихим голосом обратилась к Тому молодая девушка.

– Да, а разве должно быть иначе?

– Ты сидишь здесь уже минут 20 и просто наблюдаешь за всеми.

– Разве в этом есть что-то странное? Другой вопрос, почему тебя это так волнует, или это твой способ знакомиться? – в ответ улыбнулся Том.

– Может и так... Не хочешь выпить?

– Это должен предлагать я, но если ты настаиваешь...

Том продолжал сидеть у барной стойки и опустошать один стакан за другим в компании новой знакомой, делая вид, что слушает ее болтовню.

– Может, проедем ко мне? – игриво предложила спутница, будучи в та кой мере опьянения, что готова была переспать с первым же встречным. Том, ничего не ответив, кивнул головой, направляясь вместе со своей спутницей к выходу...

Следующим утром Том спешно покинул квартиру случайной знакомой и с больной головой отправился к себе.

По пути он заглянул в свое любимое кафе, в котором обычно завтракал. Это было небольшое кафе на окраине Нью-Йорка, и там еще не исчез дух романтики: часто можно было встретить молодые пары, что на самом деле и привлекало Тома. Когда он видел эти пары, он видел совершенно других людей, истинных людей, которые отличались от тех, что он видел в центре Нью-Йорка. Он всегда выбирал столик, сидя за которым можно было наблюдать за влюбленными. Он видел другую картину. Он видел две счастливые души, которые смотрели друг другу в глаза и понимали друг друга без слов. Искренность – вот что отличало их от других. Они могли сказать друг другу все. Он видел людей, которых не поглотила привычная и превратившаяся в норму ненависть друг к другу. Даже солнце в этом месте было другое, оно не было холодным, оно было другим. Только это место давало Тому надежду. Он видел здесь истин-

ных людей, не скрывавшихся за своим положением в обществе, людей, которые сняли маски безразличия.

На этой позитивной ноте он отправился домой. В пути ему позвонил Майк.

– Да?

– Ты, надеюсь, не обиделся за вчерашнее? – неуверенно спросил Майк.

– А надо было?

–

Думаю да, я был слишком груб, – извиняющимся тоном проговорил Майк.

– Ладно, забудь. А теперь дай мне спокойно добраться до дома, да, кстати, как прошли съемки?

– Я два часа слушал нытье Тони про то, что без тебя он не может понять, как ему правильно сыграть своего героя. Завтра они снимают новую сцену, было бы неплохо, если бы ты все же заглянул на съемочную площадку.

– Эх...если я и приду, то только из-за нашей дружбы, – неохотно согласился Том.

– Мне этого достаточно, ладно, позже увидимся.

Томас не любил находиться дома, там он чувствовал еще большее одиночество. Безликие стены угнетали его, большая квартира была слишком большой для него одного. Единственным спасением было то, что он приходил и садился за свое рабочее место и писал, писал так долго, сколько мог, не обращая внимания на время. Том думал, что лучшее произведение в его жизни уже написано и больше он уже не напишет, он находил утешение в алкоголе, который давал ему возможность забыться. Он как будто менял старый черно-белый фильм на новый, яркий и радостный, на комедию, где были только радость и смех.

Весь оставшийся день Том просто лежал на диване и смотрел в потолок, думая обо всем. Он размышлял о будущем и не видел в нем себя. Он пролежал так до вечера, пока не заснул с пустой бутылкой виски в руке...

На следующий день Тома разбудил громкий стук в дверь. Еле поднявшись с дивана, он заставил себя подойти и открыть дверь. Это был Майк, который был явно чем-то возбужден, не спрашивая разрешения войти, он резко переступил через порог.

– Есть причина, по которой ты не даешь мне выспаться, врываясь, как угорелый? – сонным голосом спросил Том.

– Угадай, кто хочет, чтобы ты снялся в рекламе твоего нового фильма?

– Ты даже представить себе не можешь, насколько мне все равно. Я просто хочу спокойно поспать в своей гребаной квартире.

– Ты, кажется, не догоняешь. За то, что ты снимешься в трехминутном рекламном ролике, тебе заплатят нехилую сумму. Так что давай собирайся и поедем в их офис, поставишь пару подписей и пойдешь восвояси, – продолжал говорить Майк, спешно пытаясь растряссти Тома от сна.

Долго собираясь, Том вынужден был уступить Майку. С чугунной головой он сидел в дорогом “Порше” Майка, наслаждаясь спасительным ветерком, который хоть как-то заглушал постоянную болтовню хозяина.

Неожиданно Майк произнес: – ... не хочешь сегодня прийти к нам на ужин?

– Что, прости?

– На ужин, Мари хочет, чтобы ты сегодня пришел к нам на ужин. Пусть хотя бы один вечер ты проведешь не в баре.

– Ты уверен? Ты ведь знаешь, у меня талант разрушать семейную идиллию, – усмешкой сказал Том, хотя и хотел пойти.

– Ты не был у нас уже полгода, приходи, после ужина выпьем пива, посмотрим чего.

– Ну, даже не знаю, у меня такой плотный график.

– Плотный график? С каких пор ты стал назначать время, когда собираешься выпить, – смеясь, говорил Майк, уже понимая, что Том в любом случае согласен.

– Ладно, я приду, у меня все равно дома нечего поесть, – сказал Том.

Они подъехали к офису “Cornelius Group”, самой крупной рекламной компании Нью-Йорка и одной из крупнейших в Америке. Огромная вывеска возвышалась на вершине небоскреба, всем своим видом подчеркивая важность этой компании. Том и Майк медленным шагом вошли в огромные двери и направились к секретарю.

– У нас запись на 15:00 с мистером Корнелиусом.

– А вы...

– Майк Сонрели и Томас Андерсон.

– А, мистер Корнелиус ожидает вас. Пройдемте, – с официальной улыбкой сказал секретарь, показывая на лифт.

Майк не мог сдержать волнения, и пока лифт ехал вверх, теребил свой галстук. В отличие от Майка, Том был совершенно спокоен. Лифт поднялся. Том быстрым шагом направился к конференц-залу, Майк тихо шел за ним. Войдя в конференц-зал Том и Майк быстро оглядели собравшихся, сели на свои места, ожидая мистера Корнелиуса. На лице Тома было лишь презрение, он презирал это место каждой клеткой своего тела. Люди в дорогих костюмах, с дорогими кейсами куда-то спешили. Они казались образцом для подражания, но это была лишь маска, с фальшивой улыбкой на лице они приветствовали друг друга, каждый из них был готов вонзить в спину нож любому, кто встал бы на их пути. Деньги и жажда более высокой должности уничтожили в них человечность. Они словно пытались подняться как можно выше по карьерной лестнице, цепляя и сбрасывая вниз тех, кто перегонял их. Все они стояли в длинной очереди в ад, пытаясь прорваться туда как можно быстрее. Они давно променяли свои души на деньги. Им только предстояло понять, что сделка оказалась не такая уж выгодная, как они ожидали. Том видел их всех насквозь, он видел каждого. Все они настолько погрязли в этом болоте, что даже сам Иисус с протянутой рукой не вытащил бы их. Дорогие костюмы скрывали их демонические крылья, которые

они обрели, продав свои души за горстку монет. Все это место было зоной ожидания, ожидания своей очереди в ад.

В дверь вошел мистер Корнелиус, лица рекламщиков тут же засияли, но не радостью – это была фальшивая улыбка. Все присутствующие встали со своих мест, чтобы поприветствовать главного люцифера. С довольной улыбкой Корнелиус прошел к своему месту и с важным видом сел. В зале воцарилась тишина, он взял в руки контракт Тома и долго смотрел на него, делая вид, что видит его в первый раз. Все молчали. Медленно повернув голову к Тому, он обратился к нему.

– Надеюсь, вам не пришлось долго ждать? – с улыбкой на лице произнес Корнелиус. Но эта улыбка не могла обмануть Тома. Казалось, будто сам сатана улыбался ему в лицо. Том промолчал, продолжая играть в гляделки с Корнелиусом. Чтобы как-то замаять эту неловкую паузу, вмешался Майк.

– Да нет, что вы. Не прошло и 5 минут. Мы обговорили с Томом ваше предложение по поводу съемок и согласны, – уверенным голосом сказал Майк, хотя внутри его дико трясло.

– Да, да. Это потом, сначала я бы хотел спросить нашего писателя, не хочет ли он отобедать со мной? – продолжая смотреть прожигающим взглядом на Тома, спросил Корнелиус.

– Не думайте, что я буду полировать вашу задницу, как это делают все ваши верные псы. Если бы я хотел отобедать с дьяволом, я бы вскрыл себе вены в своей квартире и отправился к нему напрямиком в преисподнюю, – резко ответил Том, так же, как и Корнелиус, продолжая сверлить его взглядом.

Такой ответ явно никто не мог ожидать. Майк просто застыл. Все сидящие в зале устремили свой взор на Корнелиуса, ожидая, что же будет дальше. В мыслях Майк уже попрощался со своей долей от этого контракта.

– Ха-ха, – диким смехом рассмеялся Корнелиус, осматривая всех присутствующих.

Через несколько секунд засмеялась и остальная часть зала, дабы не отделяться от босса.

– А вы мне определенно нравитесь, вы такой, каким вас и представили: прямой, несдержанный засранец с синдромом Бога, – сказал Корнелиус, продолжая смеяться.

Том продолжал отстраненно наблюдать за всем происходившим, а Майк не нашел ничего лучшего, как начать истерически смеяться вместе с Корнелиусом.

– Сначала я сомневался, стоит ли иметь с вами дело, думал, что ваша мрачность – это всего лишь образ для большего пиара. Теперь я точно хочу, чтобы вы участвовали. Ха, перестаньте на меня так смотреть, а то во мне дырка появится, – продолжал Корнелиус.

– Ну, тогда давайте сюда этот кусок бумаги, я поставлю крестик и свалю из этого кошмара, – сказал Том, протягивая руку за контрактом.

Быстро поставив подпись, не сказав ничего, он просто встал и направился к выходу. Майк, который так до сих пор и не мог прийти в себя, схватил свой кейс и тоже спешно направился к выходу. Выйдя из зала, он догнал Тома, который был уже одной ногой в лифте.

– Что это сейчас было? Ты собрался меня прикончить? Я и так волновался, а после твоей реплики чуть с инфарктом не упал. Я понимаю, что проще научить обезьяну курить, чем тебя поменять твой характер, но все же, – продолжал Майк.

– По-моему, им понравилось, я всегда буду говорить то, что думаю. Я не собираюсь подстраиваться под этого ублюдка. Он бы свою душу продал за многомиллионный контракт. Да и вообще, какая разница? Думаешь, из-за этой реплики он бы упустил возможность по дешёвке снять рекламу, которая потом окупится вдвойне? Не смейся. Даже если бы я плюнул ему в лицо, он бы так же посмеялся и сказал, какой я классный. Да он родную мать продаст по выгодному предложению, – говорил Том, выходя из лифта.

– Я все понимаю, ты такие места не любишь, но в следующий раз лучше просто молчи. Я все быстро сделаю, и мы спокойно уйдем, – ответил Майк, продолжая догонять Тома, который, как танк, шел вон из здания.

– Бла-бла, как будто я когда-нибудь слушаю твои советы. Лучше отвези меня домой, чтобы я мог довыспаться, а вечером я приду на ужин, – сказал Том, садясь в машину.

Приехав домой, Том не стал спать. Он сел за свою любимую печатную машинку в попытке написать хотя бы строчку. Он сидел час, второй. Вокруг него постепенно образовывалась огромная куча скомканной бумаги. Он не мог написать и строчки, как будто вовсе никогда ничего и не писал, будто его талант просто канул в воду. С красными глазами и поникшим лицом он сидел и смотрел на пустой лист бумаги. Том не мог понять, что мешало ему писать. В начале своей писательской карьеры он без труда мог написать все, что угодно. В то время вдохновение словно держало его за руку и не отпускало. И казалось, так будет всегда. Он с ужасом смотрел на лист, который был так же пуст, как и его душа. Том был опустошен, раньше он чувствовал все, что писал. Он писал, не задумываясь о том, что пишет, он просто писал. Он проклинал Бога за то, что забрал его талант, писательский талант был для него всем. Его ужасала мысль о том, что он больше никогда не напишет ни строчки.

Просидев так еще некоторое время, он с криком схватил печатную машинку и швырнул ее в свой мини-бар. Разбитые стеклянные дверцы разбросали свои осколки по всему полу. Словно молодая особа разбила сердце молодого парня, который страстно ее любил. Пройдясь по осколкам

к мини-бару, он схватил бутылку Jack Daniels и, словно безумец, словно алкоголик, которого мучала ломка, начал быстро выхлебывать до дна уже начатую бутылку. Он не мог остановиться, он словно хотел забыть все это как страшный сон. Но не боязнь остаться без денег так угнетала Тома. Для него главным был его талант. Он был художником, чьей кистью были кнопки старинной пишущей машинки, после нажатия которых черные чернила превращали слова в живописную картину. Он был художником, потерявшим свои краски, ребенком, потерявшим свою главную игрушку. Он не тонул, но и достать его не мог. В диком порыве паники он искал выход в сексе без обязательств, в дорогой выпивке. Он пытался собраться с мыслями, но попытки были тщетны.

Наконец успокоившись, он сел на диван с почти пустой бутылкой Jack Daniels в одной руке и сигаретой в другой. Взглянув на часы, он понял, что до ужина в гостях у Майка еще полно времени. Чтобы не сидеть в квартире и не дожидаться вечера в атмосфере безысходности, Том решил развеяться, подышать выхлопами машин, которые стали для него заменой свежего воздуха. Он, поднимая себя с дивана, накинул пиджак, который уже отдавал недельным запахом выпивки и сигарет.

Выйдя на улицу, Том медленным шагом пошел вперед. Измученным взглядом он вглядывался в каждого прохожего, в каждую витрину магазина в надежде найти хоть отголосок вдохновения. Погуляв около часа, Том вернулся в квартиру, решив, что прежде, чем идти на ужин, нужно привести себя в порядок, хотя бы немного, подобрать чистую одежду и побрить недельную щетину. Поднявшись в квартиру, Том порывлся в гардеробе и нашел более-менее чистую рубашку. Вообще его гардероб был не особо богат цветами. Черные и белые цвета были, пожалуй, единственными, не раздражавшими его. Сбрить щетину Том так и не соизволил, слишком уж она ему нравилась, придавала мужественности. Оглядев квартиру перед выходом и увидев на полу неубранные осколки стеклянной дверцы, Том поискал взглядом, чем можно было бы подмести осколки. Ничего под рукой не оказалось. Не видя другого выхода, Том аккуратными движениями загнал осколки под диван.

Том вышел на улицу и начал ловить такси. В душе у него были смешанные чувства. Чувство одиночества и потерянности не покидало его. Он так и не мог понять, хочет ли он вообще идти на ужин или разумнее было бы остаться дома и лечь спать, в надежде на то, что завтра все будет по-другому.

Желающих подвезти Тома оказалось не так много. Спустя несколько минут Тому удалось поймать такси, это был новенький Ford. Таксист сразу дал понять, что день у него явно не задался и поболтать о жизни (как это обычно любят делать таксисты) он явно не хотел. Это устраивало Тома,

учитывая, что он сам был не любитель поговорить. Сев на заднее сиденье, Том назвал адрес и облокотившись на спинку, стал наблюдать за быстро пролетающими улицами Нью-Йорка.

Казалось, будто все было против него. Гениальный писатель, чей талант был виден даже слепому, теперь не мог написать и строчки. Он продолжал думать, что же стало камнем преткновения, может город так поменял его? Что? Он продолжал задаваться вопросом, почему и за что небеса послали на него такое наказание. Такси плавно подъехало к дому Майка. Посмотрев на счетчик, Том, порывшись в карманах, достал несколько помятых долларов

– главное достояние Америки и ее главная беда. Отдав деньги водителю, Том спешно вышел из такси.

Беглым взглядом он осмотрел дом, по внешнему виду было сложно представить, что тут живет агент одного из самых успешных писателей современности.

Дом ничем не выделялся, ни архитектурой, ни размером, абсолютно ничем. Незнающий человек совершенно уверенно сказал бы, что тут живет среднестатистический американец.

Единственное, что отличало его от других домов – это машина. Porsche 911 явно выделялся от других припаркованных здесь машин. Оглядевшись еще раз, Том постучался в дверь, через которую был слышен смех дочери Майка. Дверь открыл сам Майк.

– Я уже думал ты не придешь, собирался тебе звонить, – сказал Майк, всей своей улыбкой говоря – добро пожаловать.

– Видишь, как я легко разрушил твои надежды на тихий вечер с семьей. Я решил, что должен увидеть женщину, которую ты обрел на вечные муки, она от тебя еще не устала? Я тебя вижу несколько часов в день, и то ты выносишь мне мозги так, что хочется оглохнуть навсегда, чтобы не слушать твое нытье, – с ухмылкой проговорил Том, заходя в дом.

– Ты единственный, кто считает мои советы нытьем, я стараюсь посоветовать, как сделать что-то...

– О, Иисус, я только вошел, а ты уже начал свою лекцию. Как она с тобой живет? Да, и может, познакомишь меня с ней? – говорил Том, осматривая дом.

– Короче, иди, садись за стол и не ерничай.

– Хорошо, мамуля, только не ругайся, – сказал Том, направляясь за стол, игнорируя просьбу Майка помыть руки. Том сел на первое же место, которое приглянулось ему.

– О Томи, давно ты у нас не был. Стол еще не совсем готов, мы сейчас все быстро организуем, – это была Люси.

Верная супруга Майка, она буквально сияла от счастья. Она была рада находиться в обществе мужа, воспитывать дочку и, казалось, никакие трудности не могут заставить ее грустить. И Майк был счастлив рядом с ней,

Том видел Майка другим, не таким, каким он был вне дома. В нем не было той серьезности, которая присутствовала на всех деловых встречах. Этот дом и эти стены делали его другим человеком, семьянином, который был готов пойти на любые жертвы ради своих близких. Именно здесь Том видел искренность чувств: настоящие улыбки, настоящий смех. Любовь буквально наполняла этот дом, смотря на Майка и на Люси, можно было сказать, что они дополняли друг друга. Их глаза сияли, это была не страсть, о нет. Это была любовь в ее истинном виде, чистая и неподдельная. Любовь, которую Том уже давно не видел.

Том невольно проникся этой атмосферой и даже на его хмуром лице самопроизвольно появлялась улыбка. То, что он видел, не вписывалось в ту картину мира, которую он видел каждый день. В нем вновь появилась надежда на то, что этот мир не так прогнил, как ему казалось. Именно теперь Том понял, почему Майк всегда так стремился поскорее попасть домой. Здесь он был по-настоящему счастлив, он точно знал, что именно здесь его ждут два человечка, в которых он мог быть уверен на все сто процентов. Он знал, что его ждет жена, которая всегда готова выслушать его, готова поддержать и посоветовать, когда это нужно. Маленькая дочка, чьи глаза, словно бусинки, сияли, и чья улыбка была ярче солнца. Любовь, которая окружала Майка, давала ему стимул жить дальше, давала ему повод жить дальше. Майк не видел всей серости остального мира, всей жестокости, а если и видел, то не так ярко. Причиной тому были жена и дочь. Они были главным подарком для него в этой жизни, были для него оберегом. И, наверное, выражение: "Мой дом – моя крепость" очень хорошо бы подошло сюда. Именно тут он получал заряд энергии на весь день и желание вернуться обратно.

Всё это выглядело словно картинка с открытки, и Том понимал, что именно этого ему не хватает в жизни, чтобы быть счастливым, что все те деньги, которые у него были, являлись, по сути, простыми бумажками, бумажками, которые могли купить все, кроме истинного счастья. Он еще больше осознавал, насколько его жизнь пуста. Он жил своей книгой, своими героями, а теперь, когда этого нет, он понял всю никчемность своей жизни, всю пустоту и отсутствие смысла в своем существовании. Его переполняло смешанное чувство, чувство гордости и радости за Майка, но его тут же перебивал страх, что он навсегда так и останется одиноким.

– Том? Ты с нами? – озадаченно спросил Майк.

– Да... Просто залюбовался вами, вы так... хорошо смотрите, – неуверенно сказал Том, потрясённый семейной идиллией.

– Хех, спасибо. Я думал, ты опять скажешь, что-нибудь в своем стиле. Не часто от тебя услышишь комплимент, – сказал Майк. Через несколько минут стол был уже готов. Когда все сели за стол, Том почувствовал себя

немного неловко в этом доме. Он продолжал наблюдать за тем, как Люси и Майк опекали свою маленькую дочурку. Он не мог оторвать от этого глаз, он будто был сторонним наблюдателем, падшим ангелом, который падая вниз, отчаянно пытался зацепиться за облака.

– Как проходят съемки фильма? Майк говорил, ты следишь за всем на съемочной площадке, редактируешь сценарий, присматриваешь, чтобы актеры играли правильно, – спросила Люси у Тома, невинным взглядом смотря на него.

– Мягко говоря, не очень. От моего сценария там остались крохи. Его изменили, как им было удобно. Поэтому у меня нет особого желания участвовать в этом параде бездарностей, – сказал Том.

– Слушай, ты так и собираешься каждому, кто спросит про твой фильм, говорить, что твой сценарий изуродовали? Признайся, что тебе просто лень ехать туда и что-либо делать. Я читал сценарий, и надо заметить, он очень неплох, – осуждающим тоном сказал Майк.

– Да ну? Ты читал мою книгу? Моя книга и убожество, которое ты называешь “неплохим” сценарием, абсолютно разные. Моя книга была идеальна. Сценарий, который я написал для них, тянул на «Оскар». Эти идиоты решили, что они умней меня и изменили его до неузнаваемости, – продолжил Том, полностью уверенный в своей правоте.

– Майк, я уверена, что Том лучше знает. Все-таки он написал книгу и ему лучше знать, что лучше, – вмешалась Люси, пытаясь защитить Тома.

– Вот, видишь. Ты один, кто постоянно со мной спорит. Так что сиди уж молча и не спорь со мной, – говорил Том, радуясь своей победе.

– Том, я читала твою книгу и надо сказать – это шедевр. Когда ты планируешь написать что-то еще? – спросила Люси, отводя тему от спора Майка и Тома.

– Я бы с удовольствием начал писать ее хоть сейчас, но, к большому сожалению, желание и возможность это разные понятия, – печально, опуская свой взгляд в тарелку, промолвил Том.

– Не знаешь о чем писать? – переспросила Люси.

– Чтобы что-то написать, нужно, чтобы тебя посетило вдохновение, которое не спешит ко мне. Каждый день я сажусь за пустой лист бумаги и пытаюсь написать хоть строчку, но все тщетно. Но думаю, уже совсем скоро, что-нибудь я точно выдам, – улыбаясь, говорил Том, делая вид, что он совсем не беспокоится по этому поводу.

– Ты, главное, не расстраивайся, я уверена, что это просто временное затишье, – говорила Люси продолжая сиять позитивом.

Казалось, будто ее улыбка вечна. Ее доброжелательность и искренность невольно переходили к окружающим, может, поэтому Майк был так счастлив. Ее позитива хватило бы, чтобы внушить умирающему, что все

будет хорошо. Том, на какое-то время и сам поверил в то, что он скоро начнет писать.

– Если я начну писать, вы узнаете это первыми, – пообещал Том. Майк, наблюдая за разговором, невольно удивлялся. Он уже очень давно не видел Тома таким, с улыбкой на лице, не слышал его смех. Еще совсем недавно, в офисе Корнелиусгрупп, он видел озлобленного, ненавидящего весь мир Тома, а теперь перед ним совсем другой человек, который охотно поддерживает разговор и даже спрашивает о чем-то сам.

– А ты, Люси? Чем ты занимаешься? Майк о тебе ни много рассказывает, – спросил Том.

– Я волонтер. Майк постоянно говорит мне, чтобы я сидела дома. Но я так не могу, мне нужно чем-то себя занять. Тем более, помогать другим доставляет мне удовольствие, – Люси продолжала рассказывать в подробностях, чем она занимается, было видно, что ей нравилось то, что она делает.

Том был в замешательстве, он был уверен, что идеальных людей просто нет, но, продолжая наблюдать за Люси, он не видел в ней недостатков. Она была идеальна, идеальна во всем. Ему невольно хотелось спросить Майка, где же он ее нашел. Он знал, что такой, как Люси, больше нет, а если и есть, то встретить её шансы невелики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.